

Татьяна Кырова

Чингачгук не может умереть

Каждый дождь имеет свой характер. Один налетит, шумит, скандалит — громового треска много, а толку чуть. Беззаботный шалопай брызнет как из детской лейки пригоршню влаги на пересохшую почву — и был таков. Умчался за горизонт. Трезвонит там и раздаёт посулы на хороший урожай. Другой шагает степенно, как истинный барин. Лишь слегка тросточкой по водосточным трубам постукивает. Дорогу выбирает, обходит образовавшиеся на тротуаре лужи, боясь промочить ноги. Утренний дождь был из праздных гуляк. Всю ночь пропадал неизвестно где. А когда народ отправился по своим делам, устроил для них внезапный потоп. Так бывает, когда непутёвый хозяин откроет водопроводный кран на полную катушку, чтобы остудить голову после ночного кутежа. Стихия застала горожан врасплох. Разношёрстная толпа на автовокзале едва успела укрыться под широкими козырьками крыши перрона. Ливень смыл со штукатурки здания накопившуюся пыль и придал фасаду вокзала свежeweбеленный вид. Никто из пассажиров этого даже не заметил. Они наблюдали за тем, как вода нехотя стекает в ливнёвки, унося окурки и мелкий мусор. Никакой лирики. Лишь досада за вынужденную паузу в бесконечной суете. Переждав стихию, люди тут же принялись раскручивать привычный для вокзала собственный живой поток, состоящий из озабоченных лиц, потных тел и бесконечных тычков в спину.

На фронтоне автовокзала из кирпича красного цвета были выложены цифры «1962». Марина догадалась, что это год постройки здания. Раньше она не замечала этих цифр. Девочка пыталась посчитать, сколько же лет прошло с той поры. Элементарный пример никак не желал решаться. Несмотря на то, что перрон был значительно расширен, пассажиры, как будто слепые, то и дело натыкались на Марину и этим сбивали с толку. Прилегающая к вокзалу территория минувшей весной была переделана и облагорожена. Установили ряд телефонов-автоматов. Стало просто связаться с родными в других городах. Марине звонить было некому, друзей в других городах у неё не было. В столице жила тётка, но провинциальную родню она не жаловала. Объявленная в стране перестройка только набирала обороты.

Скоро торговцы вытеснят пассажиров на задворки и захватят не только большую часть перрона, но и всю привокзальную площадь. Марина повернулась лицом к газетному киоску и стала рассматривать яркие обложки журналов. Особенно ей нравился журнал «Бурда Моден». Просто полистать его было нельзя, а стоил он очень дорого. Марина любила вокзальную суету. Это означало всегда одно — школьные каникулы. Её ждали бабушкины пирожки и вольная деревенская жизнь.

Маринина мама стояла рядом. Она была не в духе. В начале недели ей подписали заявление на отпуск, а потом начальство передумало, и заявление отозвали. Надежда отвела взгляд от струившейся с крыши водной пряжи и с чувством затаённой гордости начала разглядывать свою милую девочку. Марина была в том возрасте, который принято называть переходным. Но обычной угловатости и нескладности подростковой фигуры ей счастливо удалось избежать. В платье с вишнёвыми веточками на белом фоне она выглядела нарядной. На днях Наде повезло купить для неё в «Детском мире» красивые туфли знаменитой фабрики. В такой обуви и взрослому человеку не стыдно выйти. Матери очень хотелось, чтобы дочка выглядела настоящей горожанкой. В тот день женщине везло с покупками. Совершенно случайно удалось отхватить в универмаге приличный отрез белого гипюра. Из него получится необыкновенно ажурный фартук. Марина будет самой нарядной девочкой в школе на первое сентября.

Объявили посадку на рейс, но назвали номер другой платформы. Надежда встрепенулась: — Что сказали? Номер три?!

— Третья, — подтвердила стоявшая рядом старушка в красном платке.

Надя дёрнула уголками губ, так она выразила своё недовольство.

— Странно. Всегда посадка была здесь. Ну, пошли туда.

Марина неотступно следовала за матерью, не давая возможности другим пассажирам проскочить между ними и помешать слаженному движению. Когда они подошли к автобусу, посадка только началась и большой толчеи не наблюдалось. Надя позаботилась о дочери и после работы отстояла

очередь в кассу предварительной продажи. Билет в такой кассе стоил дороже, зато на нём было указано сидячее место. Зная характер своей девочки, она была уверена в том, что та непременно уступит своё законное место, и просила Марину не делать этого. Бойкие бабёнки умеют выбить для себя местечко, а чтобы купить билет заранее, им и в голову не приходит. Станут они суетиться и переплачивать. Надежда помогла дочери устроиться, открыла окно.

— Если будет дуть, закроешь.

Вышла из салона и обошла автобус с другой стороны. Надя решила подождать до того момента, когда автобус тронется. Погрозила указательным пальцем и сказала:

— Сиди. Ты поняла меня? Не уступай. Сделай так, как я тебя прошу. Если будут приставать, скажи, что тебя качивает.

— Хорошо, мама. Иди уже. Куда я денусь? Буду сидеть до самых Лесников.

Девочке было неловко за этот маленький спектакль, о котором они условились заранее. Хотя и понимала, что мама права. Через десять минут в автобусе было уже не протолкнуться. Как ни остерегайся, а в такой тесноте обязательно наступят на ноги. Новенькие туфельки растеряют свой блеск и покроются множеством царапин, их невозможно будет оттереть или замазать кремом. А впереди целое лето, и хотелось пофорсить.

Дорога до бабушкиной деревни занимала по времени час с небольшим. Прекрасный асфальт мог бы превратить поездку в сплошное удовольствие, если бы не одно обстоятельство: маленький трудяга марки паз не был рассчитан на такое количество пассажиров. Людей в нём всегда набивалось вдвое больше, чем положено. Марина смотрела в окно, любясь июньскими видами, и невольно слушала разговор двух женщин, сидевших у неё за спиной. Спор то затухал, то вспыхивал с новой силой. Марина заметила эту пару ещё до посадки в автобус. Молодая женщина была беременна и, кажется, очень раздражена этим. Не стесняясь окружающих, она выговаривала своей терпеливой матери все накопившиеся обиды:

— Сколько я переняла от тебя красивых, но бесполезных слов. Каждый сам определяет степень своей свободы. Главное— не навредить другим. Надо быть искренней и всегда говорить правду. Мещанство—это не про сословие, а про состояние духа. Человек должен бояться тёмного царства, которое внутри него. Этому меня не учили в школе. Этому меня научила ты. Я так и написала в сочинении. И что в результате? Не хватило балла для поступления в медицинский институт. Надо было не умничать, а писать штампованными фразами, как все. Много помогла тебе в жизни такая философия?

— Зачем ты так, доча?! Такими должны быть принципы всякого порядочного человека. А ты могла бы поступить в институт, если бы повторила попытку. Не стоило торопиться с замужеством. — Мама, ты не поумнела. Разуй глаза. Кругом блат. А этот твой любезный Николай Васильевич! Какой молодец! Как ты за него впрягалась: «Товарищи, его нельзя сокращать. После смерти жены работа—это всё, что у него осталось».

— Ирочка, но это действительно так. Он очень одинок. Детей им с женой Бог не дал.

— А когда сократили тебя, где же был Николай Васильевич? Скромно промолчал.

— Что же он мог сделать? Он заболел и ушёл на больничный.

— Конечно. Какое совпадение.

Мать прилагала усилия, чтобы прекратить неприятный разговор. Отвечала коротко и смиренно, но на дочь это не оказывало должного эффекта. Неожиданно появилась возможность сменить тему, и женщина сказала:

— Ой, смотри, Ира. Кто-то крест поставил. Какие молодцы! Настоящий православный крест. И в таком нужном месте.

В сотне метров от дороги на опушке среди берёз появился новенький деревянный крест. Женщина перекрестилась и горестно произнесла:

— Мне бабушка рассказывала. Страшные бои в этих местах были. Много тогда здесь наших погелго.

— Что за чушь? Война сюда не дошла.

— Я про другую войну—Гражданскую. Мой дедушка где-то здесь лежит.

Марина поняла, что дед этой женщины воевал не на стороне Красной армии. Всех красноармейцев похоронили в братской могиле и установили мраморный обелиск с фамилиями героев. На памятнике золотыми буквами было выбито: «Вечная слава борцам за советскую власть». Наверное, о том же подумали все пассажиры, и в салоне автобуса повисла длинная пауза. Женщины, так досаждавшие Марине своими разговорами, неожиданно открыли для неё другую правду о далёкой, обросшей легендами и мифами Гражданской войне. И девочке стало грустно оттого, что здесь, по сути, в чистом поле, покоятся останки людей. Таких же русских. И не осталось даже холмика от них. Эти знания требовали глубоких размышлений. Но долго думать об этом Марина не могла. Мысли о смерти пугают детей глухой и неизведанной тайной. Они признают только одну сторону бытия—жизнь. Жить весело и интересно. Это справедливо.

Говорливые женщины вышли на остановке, которая располагалась на обочине дороги. Марина знала название деревни—Озерки, но автобусы в этот населённый пункт никогда не заезжали. Что там были за Озерки, ей было неизвестно. Иногда

случалось слышать со стороны деревни колокольный звон. Звук колокола был глухой, несмелый, какой-то испуганный, что ли.

Высадив мать с беременной дочерью, водитель заглушил двигатель и выскочил из кабины за ними следом. Пассажиры стали свидетелями странной сцены. Шофёр догнал женщин и протянул старшей из них крестик на тоненькой цепочке. О чём они говорили, не было слышно. Мужик в соломенной шляпе, сидевший впереди Марины, протрубил на весь автобус зычным голосом:

— Во даёт! Чужим людям золото отдал. Ха-ха! Видали дурака?

— Видимо, они в храм собрались. Говорят, что в Озерках икона мироточит,— пояснила старушка в красном платке.

Марина не знала, что значит «икона мироточит». Она повернула голову налево и внимательно посмотрела на старушку, сказавшую эти слова. Пассажир в шляпе поинтересовался:

— И что?

— Ничего. Исцеляет, говорят. Болеет, видно, у него кто-то. Крестик на икону повесят,— добавила старушка совсем тихо и замолчала, понимая, что широкомордому в соломенной шляпе об этом говорить бессмысленно.

Мужик криво усмехнулся:

— Ага. И будет вам чудо!

В это время вернулся водитель, и автобус покатил дальше. Позади остались сосновый бор и железнодорожный мост. Закончился затяжной подъём на перевал, и начался такой же затяжной спуск. Скоро Лесники. Пассажиров в салоне заметно поубавилось. Проход был почти свободен.

Марина была несколько озадачена и раздосадована тем, что услышала от пары, следовавшей на богомолье. Как сложно устроен мир. А диалог между старушкой в красном платке и противным мужиком в соломенной шляпе только добавил душевной смуты. Жизнь неумолимо накатывала. Марина понимала, что пришла пора взросления. И эти перемены больше пугали, чем радовали. Складывалось ощущение, что из слаженного механизма выпал какой-то винтик.

В начале прошлого учебного года был ещё случай. После первого урока Светка, с которой они дружили чуть ли не с детского сада, шепнула ей на ухо сокровенную новость:

— А я, между прочим, пришла в лифчике.

Маринка почувствовала, как от этих слов кровь ударила ей в виски и кончики ушей зашипало. Разве можно такие интимные вещи обсуждать, да ещё на перемене? Она с удивлением посмотрела на Светку и осторожно отодвинула стул, чтобы ненароком не услышать ещё что-нибудь в таком же духе. Заметив эти манёвры, Светка погладила её по спине и, не найдя застёжки от лифчика, ехидно сказала:

— Ну, ты ещё ребёнок!

Марина вспыхнула снова. Почему-то было неловко, стыдно и обидно одновременно.

— Ой, да ладно тебе. Вырастут ещё,— успокоила подружка и благоразумно оставила эту тему.

Портить отношения с одноклассницей ей было невыгодно. Марина часто выручала её с уроками. Светлане не терпелось почувствовать себя взрослой. Марина, наоборот, тяготилась новыми ощущениями. Раньше всё было просто и ясно. Теперь даже не так радовала предстоящая встреча с деревенскими друзьями. В Лесниках у них образовалась дружная команда из местных и городских детей. Вдруг и эти друзья припасли какие-нибудь свои секретные новости? Тайна появилась у неё самой. Только рассказывать об этом она никому не собиралась. Марина назвала его Чингачгуком. Такое сочетание букв ей показалось очень удачным для того, чтобы закодировать настоящее имя своего героя. А звали его Григорий Чингаров. Симпатия к старшекласснику возникла неожиданно—можно сказать, на ровном месте. Началось всё с пустяковой выходки Чингарова. Он опоздал на урок. Распахнул дверь и ворвался в кабинет. И только тогда заметил удивлённые физиономии шестиклассников. Понял, что ошибся этажом, и перед тем, как ретироваться, брякнул первое, что на ум пришло:

— Рубль дайте!

Дети шутку оценить не сумели. В шестом классе был урок биологии. Пожилая учительница застыла с указкой возле доски и не нашла нужные слова, чтобы поставить хулигана на место. Неожиданно для самой себя Марина сказала:

— А два не надо?

Всё произошло очень быстро. Чингаров задержался в дверях и грозно спросил:

— Кто это сказал?

Марина выдержала паузу и ответила:

— Я. А что?

Взгляд Чингарова потеплел, и Гришка улыбнулся:

— Да так, ничего.

Чингаров вообще-то не был отъявленным хулиганом. Эта выходка была случайной. Он пользовался авторитетом не только среди сверстников, но и среди учителей. Учился неплохо. К тому же Гришка был чемпионом города по греко-римской борьбе среди юношей. И вообще всесторонне одарённый спортсмен. Физрук здоровался с ним за руку. Чингарова ставили финишёром, и сборная школы всегда выигрывала городские эстафеты по лёгкой атлетике. Только с дисциплиной у него случались проблемы. Для парня с рабочей окраины это нормальное явление.

Почему он брякнул про рубль, Гришка и сам не знал. На следующий день в школьном буфете Марина увидела его и немного оробела. Но Гришка

весело помахал ей рукой и, раздвинув толпу руками, освободил место впереди себя:

— Так. Мелкога, рассыпались. Быстро пропустили. Бери: что тебе надо?

— Булочку и чай, — тихо сказала Марина.

— Булочку и чай, — громко повторил Чингаров и подмигнул ей.

С того дня каждый раз, если они встречались в буфете, Григорий помогал ей пробиться сквозь толпу голодных школяров. Заметив это, Светка не удержалась и решила поехидничать:

— Ой, не могу! Только не воображай, что он в тебя влюбился.

— Я и не воображаю. А тебе лучше помолчать, или поругаемся навсегда.

— Да мне-то что? Просто смешно.

— А мне нет.

«Чингаров, конечно, парень видный. А эта растаяла. Тоже мне. Даже лифчик ещё не носит, а туда же», — подумала Светка и прикусила язык, хотя её так и подмывало выпелить всё, что думает.

Светлана была не тем человеком, с кем можно делиться сокровенными переживаниями. Детская дружба постепенно сходила на нет. В своих мечтах о Чингарове Марина не улетаала слишком далеко, а в Светкиных намёках появилось что-то порочное. И это отталкивало. Девочка поняла, что влюбилась в Гришу. Нежданно-негаданно, прямо как в известной песне. А чтобы легче было думать о таком взрослом молодом человеке, она решила называть его Чингачук. Так звали главного героя в популярном фильме про североамериканских индейцев. Чингаров перешёл в выпускной класс, и это было для неё самое ужасное. Что она будет делать без него? Чингачук уехал на всё лето в спортивный лагерь, и видаться с ним не было никакой возможности. Марина гнала от себя грустные мысли, чтобы каникулы не превратились в череду душевных терзаний. Она слышала, что Гриша намеревается поступать в местное военное училище. Другой выбор её Чингачук и не мог сделать. Офицерский мундир ему будет к лицу. Марина тайно гордилась его достижениями — больше, чем собственными успехами.

В компании деревенских друзей Марина надеялась ненадолго вернуть беззаботные детские радости. Дни напролёт купались и загорали. Вечером ходили за околицу встречать деревенское стадо. И всё казалось как прежде. У бабушки коровы не было, Марина ходила встречать соседскую Бурёнку. За это получала литр парного молока. Тётке Любе не давали покоя артритные колени, и долго ходить она не могла. Несмотря на недуг, советы о том, что пора отказаться от коровы, она категорически не желала слушать: «Кормилица моя, куда же я без неё?» Упорство женщины вызвало сочувствие только у Марины и её бабушки.

Другие соседи считали блажью такую привязанность к обыкновенной корове.

В августе зарядили дожди, и Марина всё чаще вспоминала Чингачука. Пыталась нарисовать портрет своего героя, но должного сходства достичь не получилось. Беспокойство, переходящее в безотчётную тревогу, с каждым днём всё усиливалось. И уже не лёгкая детская печаль, а настоящая тоска охватывала Марину в дождливые сумерки. Теперь она подолгу не могла заснуть и мечтала лишь о том, чтобы увидеть во сне Гришу Чингарова.

Дожди наконец-то прекратились, и оставшиеся летние вечера друзья проводили на берегу речки у костра. Мальчишки брэнчали на гитаре, разучивая дворовые песенки. Девочки подпевали знакомые строчки. Домой шли скопом. Компания редела по мере продвижения по улице. Марина радовалась, что их дружная команда не распалась на парочки и ребята продолжали общаться, как и прежде. Но однажды к ней пришла Наташа. Она вызвала Марину во двор и, отведа за калитку, затеяла выяснять отношения:

— Марина, скажи мне честно. Тебе нравится Коля?

— Коля?! Конечно, он добрый и надёжный друг.

— Нет. Я не об этом. Не как друг. Нравится ли он тебе, как мальчики нравятся девочкам?

— О чём ты, Наташа? Нет, конечно.

— Это хорошо. Мне Коля очень нравится. Я бы хотела с ним встречаться. Ну, ты понимаешь, как пара. Я жутко ревную, когда Коля провожает тебя домой. Скажи мне честно, что вы делаете?

— Что мы можем делать? И провожает он не только меня, а всех.

— Просто вы же остаётесь вдвоём. Ваши дома в самом конце деревни. Получается, Коля провожает тебя до самого крыльца.

— Наташа, что ты выдумываешь.

— Извини. Я так жалею о том, что мой дом в середине улицы. Когда вы уходите, я прячусь в палисаднике и смотрю вам вслед. Мне ужасно хотелось бы оказаться на твоём месте. Сейчас, когда я выяснила, что между вами ничего нет, я надеюсь, у меня с Колей всё получится. Через год мы поедем в район, в школьный интернат. У нас там многие уже переходят с парнями к серьёзным отношениям. Я постараюсь сделать так, чтобы Коля женился на мне до службы в армии.

Марина боялась даже спросить, каким образом Наташа надеется осуществить задуманное. Лишь смутно догадывалась, на что она намекает. И эти откровения ей было неприятно слушать. Не зная, как побыстрее избавиться от Натальи, она пролепетала:

— А после школы вы разве не хотите поступать куда-нибудь?

— Раньше я хотела после восьмого класса поступить в медицинское училище, но теперь передумала. Зачем? Колины родители недавно новый

дом поставили — огромный. У них и хозяйство самое большое в деревне. Даже «Запорожец» имеется. Я уже рассказала маме, что люблю Колю. Представляешь, а моя мама, оказывается, когда-то сама любила Колиного папу.

«Видимо, у неё тоже не сложилось. Наташа, Наташа! И зачем ты мне это рассказала? Кого же ты любишь? Колю или новый дом с „Запорожцем“? Какой ужас. Даже не думала, что ты такая глупая. Разве можно мечтать о таких банальных вещах?» — подумала Марина, заметив, что от прежней Наташи остались только тугие косички. Перед ней стояла пусть и не до конца сформировавшаяся, но девушка. Марина не могла рассказать, что вообще-то Коля пытался взять её вчера за руку. Может быть, он тоже вообразил себе, что у них свидание. Его сбил с толку мечтательный взгляд, которым Марина провожала красивый закат. Только думала она о Грише Чингарове. Ей хотелось одного — скорее вернуться в город. Она уехала бы в город завтра утром, если бы не день рождения бабушки. Вся родня неизменно собиралась двадцать третьего августа. Ничего не поделаешь, придётся потерпеть ещё неделю. Надо устроить так, чтобы больше не оставаться наедине не только с Колей, но и с Наташей. Детские радости летних каникул больше не повторяются. Оставалось смириться. Что же будет дальше? Об этом думать не хотелось совсем.

Летние сюрпризы на этом не закончились. Скандал случился во время праздничного застолья. Гости сидели за столом, и всё шло как обычно, пока не приехала младшая из бабушкиных дочерей, тётя Катя. Марина уже знала, что непутёвая тётушка развелась с третьим мужем и нашла себе очередного ухажёра. Бабушку не успели подготовить к встрече с новым зятем колоритной наружности по имени Баадур. Четверо сестёр никак не могли решить, кто из них сумеет деликатнее рассказать матери, что так уж складывается Катина судьба и никто не виноват. Павлик, на которого возлагали большие надежды, оказался тыфяком и не сумел удержать жену. Хотя в душе все понимали: сумасбродство младшенькой не знает границ. Катерина специально приехала с большой задержкой, надеясь, что почва уже подготовлена. Бабушка вышла встречать припозднившихся гостей. Она обнималась с Катей и, улыбаясь, приняла подарок из рук Баадура, не подозревая, кто стоит перед ней. Застолье продолжилось, но веселье длилось несколько минут. Бабушка почуяла неладное и внимательно оглядела поочерёдно гостей. Недослушав здравницу в свой адрес, поднялась из-за стола и вышла. Немного замешкавшись, родня последовала за ней во двор, но старушки нигде не было. Марина знала, где её искать. Соседки сидели на лавочке в тени старых яблонь за домом тёти Любы. Бабушка рассказывала, почему бросила гостей:

— Ничего не понимаю. Как живут нынче? Люба, мы разве такими были? Вышла замуж — терпи. Чего их менять, мужиков-то? Все одинаковые. Притираться друг к дружке не хотят. Уступать никто не хочет. Себялюбия у всех через край.

— Это точно, Егоровна! Нынче все скорые на расправу. Мои тоже всё твердят: забей корову, забей. А как бы я без неё их троих подняла, когда Миши не стало? Теперь глаз не кажут. Лёгкой жизни все хотят.

Надо сказать, что Марина всегда удивлялась бабушкиному терпению. Сидит, беседует с соседкой как ни в чём не бывало. А когда в середине июня случились заморозки и в огородах всё вымерзло, тётя Люба поехала на рынок за рассадой. Бабушка дала ей денег и просила купить для неё цветов. Хитрая тётя Люба купила, но себе выбрала крепкие саженцы, а оставшиеся отдала бабушке. Даже неопытная в садоводстве Марина это заметила. Но бабушка отнеслась к этому с абсолютным спокойствием и ни разу не попеняла соседке. Марина пристроилась рядом на лавочку и молча слушала разговор взрослых. Пришла тётя Нина:

— Мама, ну ты чего? Пошли. Виктор уху сварил. Шашлыки готовы.

— Иди, Нина. Посижу ещё пять минут и приду.

Как научиться такому терпению и умению прощать всех, Марина не знала. Люди часто несправедливы даже к самым близким. Ей и в голову не могло прийти то, что бабушка давно изучила характер своей соседки. Старушка давала денег на рассадку, уже зная, как будет результат. Поэтому ничуть не огорчилась. Поехать в районный посёлок на рынок она не могла, так что выбор был невелик. Лучше хиленькая, но рассада, чем совсем остаться без цветника.

Первого сентября Марина проснулась ни свет ни заря, чтобы самым тщательным образом подготовиться к общешкольной линейке. К ней в комнату заглянула мама с букетом цветов и удивилась: — О, доча! Да ты уже встала. Тётя Шура тебе астры принесла.

— Хорошо. Передай спасибо тёте Шуре.

— Ну, я побежала на автобус. Рубль возьми на холодильник. Всё не трать. Это тебе на два дня.

— Хорошо, мамочка! Спасибо.

Марина, лёгкая и красивая, влетела на школьный двор. Быстро нашла свой класс. И начала разглядывать ряды десятиклассников. Светка как бы случайно провела ладонью по спине подружки и, нащупав застёжку лифчика, многозначительно постучала по ней указательным пальцем:

— Так-так! Понятно.

— Отстань. Тебе-то что? — дёрнула плечом Марина.

Она начала переживать. Чингарова нигде не было видно. И разговаривать совсем не хотелось. А Светка была настроена поболтать.

— Зря высматриваешь. Нет его здесь. Ты что, ничего не знаешь?

Светка гордилась своей осведомлённостью, ей очень хотелось продлить интригу и посплетничать. Но Марина всё же была не совсем чужим человеком, и она не удержалась, выложила всё сразу: — У него родители развелись и разъехались в разные города. Гришка забрал документы из нашей школы и уехал совсем. Говорят, его зачислили в школу олимпийского резерва. — Как совсем?! Этого не может быть! — Я думала, ты знаешь.

Весёлый барабанщик, всё утро отбивавший Марине лёгкий мотивчик, куда-то исчез. Сердце свернулось колючим ёжиком. Стало больно. Ещё минуту назад сердце было источником искрящейся радости от предчувствия скорой встречи с Чингаровым — и вдруг перестало биться, превратившись в колючий комок. Марина словно оглохла и перестала слышать его беспокойные удары. На месте весёлого барабанщика появилась маленькая грустная девочка, точная копия Марины. И эта девочка не могла справиться с внезапно свалившимся горем. Этого не может быть! Как же так? Марина беспомощно озиралась по сторонам, не веря ни единому слову подруги. Это шутка. Злая шутка. Только и всего. Светлана заметила резкую перемену настроения, и ей стало жалко Марину: — Не переживай. Бывает и того хуже. У нас сосед утонул этим летом. Вот это горе. А тут — подумаешь. Не умер же он, в конце-то концов.

Чингачгук не может умереть, — прошептала Марина. — Что? Я не поняла.

Светка внимательно посмотрела на Марину слегка прищурив глаза: «Что за чушь? При чём здесь Чингачгук?» Она не любила, когда кто-то говорит загадками. Маленький ужик сочувствия, мелькнувший среди других мыслей, тут же принял стойку злой кобры.

Утром, собираясь на школьную линейку, Светлана внимательно изучала своё отражение в зеркале и была весьма довольна собой. Выющиеся каштановые волосы, прямой нос и надменный взгляд, который она подсмотрела на одной знаменитой картине в Третьяковской галерее. Прошлым летом они с мамой побывали в Третьяковской галерее. Мама сказала, что теперь им есть чем гордиться. Мало кто в их городе может похвастаться тем, что посетил культурное заведение такого уровня, знаменитое не только в стране, но и во всём мире. Сегодня уверенность в собственном превосходстве дала трещину. Она впервые поймала себя на мысли, что завидует этой недотёпе. К тому, что Марина лучше учится и хорошо соображает в математике, она уже привыкла. Всё это ерунда. Светлану беспокоило другое. Она очень хотела влюбиться в какого-нибудь мальчика или мужчину, самое время, понять, что чувствует при этом влюблённый человек, но ей решительно никто не

нравился. Успокаивала себя тем, что мама права: любовь — это глупые фантазии дураков. Придумают сами себе и верят. Вздыхают, плачут. Глупости всё. Жить надо для себя и любить себя. Как можно любить совершенно постороннего человека? Бред. Светка верила своей маме, но сейчас, наблюдая за тем, как мечется Марина, она засомневалась в маминой правоте. Сама мысль о том, что в этом мире могут быть вещи, недоступные для понимания, вывела Светку из себя. Учёба не в счёт. Косинусы и синусы — это фигня на постном масле. Деньги она считать умеет лучше других. В делах житейских в сто крат умнее Маринки. В людях-то она разбирается. Но искренней и неподдельной привязанности одного человека к другому Светка понять не могла. Зачем? Зачем надо обрекать себя на душевные муки. Ей хотелось любовного флирта, не более того. Велика беда — уехал какой-то Чингаров. И что? Свет клином сошёлся?

Марина так же внимательно изучала лицо подруги, словно впервые видела её. Она жалела о том, что позволила Светке догадаться о своих чувствах к Чингарову. Сегодня Марина выдала себя с потрохами. Светка ни за что не пропустит её слова мимо ушей. Кто угодно, но только не Светка. Только теперь Марина заметила странную особенность своей подруги. Выражение её лица всегда было неизменным и даже надменным. Лёгкий прищур зелёных глаз и блуждающая полуулыбка, которая исчезала только в минуты редкого сосредоточения. При выполнении контрольного задания уголки губ озабоченно опускались. Обладая скромными способностями, получать плохие отметки Светлана не любила. Сейчас Марина поняла, что это не она выбрала себе подругу, а Светка выбрала её. В самом начале, когда их общение только зарождалось, Марине нравилось, что эта рыжеволосая девочка рассуждает не по годам, знает какие-то вещи о которых сама она даже не догадывалась. Светка была осведомлена обо всех значимых и не самых значимых событиях города и уж тем более школы. Это ставило Марину в тупик.

Два года назад подружка сообщила ей о том, что учитель математики Виктор Николаевич и «англичанка» Лариса Ивановна состоят в любовных отношениях. Каким образом пятиклассница могла проникать в тайны взрослых людей? А главное, зачем? Учительница английского жила с Мариной в одном дворе. Однажды девочка случайно увидела, что Виктор Николаевич появился возле её дома. Любопытство взяло верх, она остановилась и стала наблюдать. Учитель тенью промчался мимо неё, сделав вид, что не заметил. От волнения Виктор Николаевич проскочил мимо подъезда. Вернулся назад и с вызовом посмотрел на Марину. Несмотря на то, что их разделяли добрых десять метров, Марина успела заметить, как побагровело лицо учителя математики. Ему явно не понравилось, что

какая-то пигалица стоит и наблюдает за ним. Следующую контрольную работу Марина написала на «три», чего с ней никогда до этого не случалось. Виктор Николаевич нашёл способ отомстить за минуты унижения. Вообще-то Марина не обиделась на учителя, понимая, что вела себя весьма глупо. Весь дом знал, что муж у «англичанки» горький пьяница и тиранит свою семью. Драма закончилась через пару месяцев — вызовом наряда милиции и составлением протокола. В приступе белой горячки мужчина вышагнул из окна подъезда или выпал случайно, потеряв равновесие в алкогольном угаре. Признаков насилия на теле погибшего не обнаружено. На этом мучения Ларисы Ивановны и её шестилетней дочери закончились. Выждав приличное время, Виктор Николаевич и Лариса Ивановна узаконили свои отношения.

Сейчас они стояли рядом на крыльце школы и улыбались. Им было светло и радостно. Марина вспомнила эту историю и отвернулась от Светки окончательно. Вокруг было торжественно и шумно. Бодрым шагом промчался мимо один из выпускников, держа на плече первоклашку с колокольчиком. Взволнованные родители теснились вокруг. Школьный двор тонул в море цветов. Марина с тоской смотрела на ставший чужим для неё праздник: «Зачем столько цветов? Как на похоронах». Она внезапно поняла, что этот день стал для неё последним днём детства. Прежде всё было по-другому. Первое сентября дарило волнительные и радостные встречи. Ты становишься старше на целый год. Нынче они — уже седьмой класс. Марине даже казалось, что разница в возрасте между ней и Гришей сократилась. Теперь всё это не имело значения. Одноклассники с любопытством рассматривали друг друга. Мальчишки ревниво прикидывали, кто кого перерос за это лето. Никому из них не хотелось на уроке физкультуры

оказаться в хвосте шеренги. У девочек свои дела, рост их не слишком волнует. Они хвастали нарядами безделушками в виде школьных принадлежностей, заколок и прочих мелочей. Одна стала обладательницей золотых серёжек. Наконец-то после долгого нытья и уговоров родители сдались и разрешили проколоть уши. Важно? Ещё как важно! Другая одноклассница впервые побывала в Крыму и привезла оттуда поющую раковину. Все по очереди слушали морской прибой, стараясь уловить запах моря. И только Марина не видела и не слышала ничего. Не радовал даже ажурный и удивительно белоснежный фартук. Мама расстаралась для любимой дочки. Таких фартуков не было больше ни у кого в городе. Стандартная школьная форма была намного скромнее.

Торжественная линейка закончилась. Марина не пошла вместе с классом на набережную, а вернулась домой. Переоделась. Небрежно бросила нарядную форму на спинку стула и, не застегивая халат, без сил свалилась на кровать. Она чувствовала такую усталость, словно разгружала вагоны с арбузами. Теперь ходить в школу не хотелось. Чингарова там не будет. Совсем недавно она осуждала Наташу за то, что та рассуждает о Коле как о своей собственности. Это казалось диким по отношению к человеку, даже если ты его любишь. Тем более — когда любишь. А теперь она сама думает точно так же. Она любит Гришу, и он просто обязан быть рядом. А как же иначе?! Всё лето Марина мечтала о нём. Время разлуки не казалась таким тяжёлым, впереди была радость их встречи. Теперь всё рухнуло. Не осталось даже крохотной надежды. И это величайшая несправедливость! Гриша уехал навсегда. Это почти что смерть. «А Чингачук не может умереть!» — она мысленно несколько раз повторила эту фразу и заснула.